

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки «Институт
русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук»
доктор филологических наук,
профессор В. В. Головин

«*В. В. Головин*»

2024 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ –

Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт
русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук»
на диссертационное исследование Анатолия Васильевича Панюкова
«Синергетика фольклорных инноваций в традиционной культуре коми»,
представленное на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.4 Фольклористика (филологические науки)

Диссертационное исследование А. В. Панюкова «Синергетика фольклорных инноваций в традиционной коми культуре» представляет опыт рассмотрения фольклорной культуры с позиций синергетики – дисциплины, возникшей в естественных науках и все более активно вторгающейся в сферу наук об обществе и человеке (например, в лингвистику). Синергетика решает проблемы становления мира, формирования упорядоченных структур из хаоса.

Исследование состоит из Введения, пяти глав, Заключения и Библиографии.

Основные теоретические положения диссертации даны во Введении и в параграфе «1.1. Фольклорная традиция как самоорганизующаяся система» в главе 1 «Специфика инновационных процессов в фольклоре коми».

Диссертант пишет: «В контексте новой научной парадигмы кажется очевидным, что фольклорная традиция как система обладает всеми качествами сложноорганизованной самоорганизующейся системы, поэтому синергетический подход к ее изучению может стать решающим стимулом к созданию общей, мультидисциплинарной теоретической и методологической базы» (с. 11). Вероятно, отнюдь не все члены фольклористического сообщества примут такое глобальное внедрение синергетических подходов в осмысление традиционной культуры. Теоретический «замах» автора диссертации представляется слишком кардинальным. К тому же исследование предлагает новый понятийный аппарат, заимствованный из естественных наук. Эта сторона исследования также может вызвать сопротивление у читателя.

Тем не менее взгляд на фольклорную культуру как на самоорганизующуюся систему, состоящую из многих взаимосвязанных подсистем, предложенный автором работы, в основе своей верен и требует пристального внимания. Согласно рассуждениям А. В. Панюкова в рамках синергетики, фольклорная культура переживает череду периодов: «устойчивая неравновесность», регулируемая флуктуациями (вариативностью), и «динамический хаос» («сильная неравновесность»). Когда вариативность выходит из-под контроля традиции и «устойчивая неравновесность» достигает бифуркации (момента критической неустойчивости), она («устойчивая неравновесность») вступает в «фазовый переход», т. е. происходит скачкообразное изменение системы, которая посредством саморегуляции, пройдя через «сильно неравновесный период», вновь приобретает новую «устойчивую неравновесность». В формировании этой новой «устойчивой неравновесности» большую роль играют аттракторы («притяжатели»): самоорганизуясь, система начинает стремиться к некоторой притягивающей области, к островкам упорядоченности.

Перестройка того или иного участка традиции происходит «в соответствии с фрактальной структурой, присущей системе» (с. 23), т. е. «все

новое приобретает качество самоподобия традиции» (с. 24). Фрактальный принцип, описанный для явлений природы и разработанный математиком Бенуа Мандельбротом, в исследовании А. В. Панюкова оказывается вполне актуальным для осмысления фольклорной культуры. Свойство фрактала – самоподобие: малая часть фрактала подобна целому фракталу. В силу этого фрактал «заклучает в себе мощное креативное, творческое начало» (с. 42); «фрактал является одним из ведущих архетипов творческого мышления» (с. 45). В сфере фольклора все многообразие формульности, проявляющееся в однотипности констант различного уровня, можно, по мысли автора диссертации, рассматривать сквозь принцип фрактальности.

Ключевым понятием в диссертации является «инновация». Инновации в фольклоре могут быть экзогенными (заимствованиями из других культур) и эндогенными (возникшими в данной этнической среде без влияния извне). «Исследуя ту или иную инновацию, – пишет автор, – мы можем сконцентрировать свое внимание на происходящих в системе преобразованиях случайного, спонтанного (=инновации) в системное явление (=традиция)» (с. 15).

Как мы уже указывали, теоретические положения отчасти высказаны во Введении, а затем углублены и расширены в параграфе «1.1. Фольклорная традиция как самоорганизующаяся система» в первой главе. Мы полагаем, что логичнее было бы все теоретические положения работы сосредоточить в одном исследовательском пространстве. В параграфе «1.1. Фольклорная традиция как самоорганизующаяся система» неизбежно возникают и смысловые, и дословные повторы с Введением: о близости понятий «аттрактор» и «замысел» (см. на с. 22 (Введение) и 39 (параграф 1.1.); на с. 22 (Введение) и 37 (параграф 1.1.)). Пожалуй, автор, разъясняя основные положения синергетики как междисциплинарного научного направления, слишком увлекается намеками (иначе не назовешь) на место синергетики в физике элементарных частиц, квантовой космологии, теории рождения Вселенной и пр. (с. 33–34). Маленький экскурс в историю возникновения

синергетики (середина 1960-х гг.) с перечнем ряда фамилий ученых, причастных к ее разработке (но без ссылок на их работы), тоже мало что дает для непосредственной темы диссертации.

Гораздо более важным является отсылка к одной из книг Б. Н. Путилова («Фольклор и народная культура»), в которой выдающийся фольклорист, оставаясь в поле традиционного понятийного аппарата, обратил внимание на самоорганизующий потенциал фольклорной культуры. Совершенно справедливо А. В. Панюков сосредоточивает внимание на концепции «замысла» фольклорных произведений, в которой Б. Н. Путилов сформулировал представление о «предтекстовом состоянии», из которого могут рождаться «пучки текстов». В концепции самого А. В. Панюкова «замысел» в чем-то близок к понятию «аттрактор».

Параграф «1.1. Фольклорная традиция как самоорганизующаяся система» завершается сосредоточенностью на двух положениях, которые будут важны (и собственно говоря, определяющими) исследователю в его дальнейших рассуждениях об инновациях в коми фольклорной культуре: 1) случайность в фольклоре (в период «сильной неравновесности» системы любая случайность может определить путь дальнейшего развития), 2) заимствование. Автор пишет: «...любой заимствованный фольклорный артефакт, для того чтобы органично войти в систему традиции, должен пройти через те же самые аттракторы. <...> если заимствование произошло, то оно отвечает необходимым параметрам порядка традиции» (с. 49). Этот тезис, что очевидно, напрямую перекликается с «теорией встречных течений» А. Н. Веселовского. Обратим внимание на понятие «случайность в фольклоре». Специалисты по народной культуре, как правило, находятся в сфере закономерностей и типологии; понятие «случайность» фактически находится вне сферы их исследовательского внимания. Диссертация А. В. Панюкова доказывает правомерность оперирования этим понятием.

В параграфе «1.2. К специфике коми-русских фольклорных взаимосвязей» дается ожидаемый обзор русско-коми отношений в области

фольклора. Уже в этом параграфе обозначается один из аспектов исследования А. В. Панюкова – его интересные лингвистические экскурсы, которые займут важное место в других частях диссертации. В данном параграфе рассматривается изменение смысла слова «роч» (русский): «чужеземец», «русский», «коми, не говорящий на коми языке» и др.

О месте русской песни и ее трансформациях в коми устной традиции пишут давно. В отличие от А. К. Микушева, считавшего творческим освоением русской песни только примеры ее полного перевода на русский язык, А. В. Панюков и механический перепев русской песни, и «кыдя роч» (ни коми, ни русский) песни, в которых содержание недоступно ни русскому, ни коми слушателю, рассматривает как «разные уровни фрактально организованной песенной традиции» (с. 64). Весьма любопытны рассуждения автора о семантическом «переводе» текста с одного языка на другой при полной лексической адекватности (например, использование детской приговорки «Улитка, улитка, убегай» в качестве «черного заговора» у охотников).

В качестве замечания укажем, что за скобками рассуждений о коми-русских фольклорных связях в диссертации остаются коми сказки, с очевидностью заимствованные из русской традиции (см.: *Коровина Н. С. Типология взаимодействия коми и русских волшебных сказок (сюжетный состав, художественно-стилевая структура)*. Сыктывкар, 2013).

Исследование в рамках синергетики представлено в параграфе «1.3. Синергетика фольклорных контактов: ижмо-колвинский эпос», в котором анализируется феномен ижмо-колвинского эпоса, уже неоднократно описанный в нашей фольклористике. Для А. В. Панюкова ижмо-колвинская традиция, родившаяся в результате контактов коми-ижемцев, перенявших у ненцев оленеводство, и тундровых ненцев, воспринявших оседлый образ жизни, – это «уникальный объект синергетического изучения процессов, связанных с рождением новой культуры с эмерджентными, ранее не присущими ни одной из контактирующих традиций, свойствами» (с. 71).

Рождение (и угасание) ижмо-колвинского эпоса произошло в исторически обозримый период (конец XVIII–XIX в.). Тематика эпоса соотносима с фольклором ненцев (о юноше-мстителе, о поисках невесты), но при этом не имеет прямых аналогов в устной традиции этого народа. В произведениях прочитывается ярко выраженное авторское начало. Фольклорная традиция оказывается биэтничной и бикультурной: исполнители и коми, и ненцы; тексты пелись и сказывались и на коми, и на ненецком языке; аудитория была двуязычной. По мнению А. В. Панюкова, «постановка вопроса о заимствовании здесь некорректна» (с. 96): «ижмо-колвинский эпос – это ассимилированный, то есть инкорпорированный в субкультуру, а не заимствованный фольклорный пласт» (с. 96). Принимая многое из рассуждений автора диссертации, мы можем высказать недоумение, почему в свой анализ А. В. Панюков не включает положение о «фольклорном двуязычии», разработанном этномузыкологом В. А. Лапиным (см. в его последней книге: *Лапин В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора*. СПб., 2017. С. 27–40).

Глава вторая названа «Самоорганизация фольклорных явлений»; она состоит из четырех параграфов, каждый из которых предлагает анализ отдельного заимствования коми фольклорной культуры из русской устной традиции и исследование роли *случайного* при данном заимствовании. Главная же идея заключается в самоорганизации определенного сегмента фольклора коми при трансформациях заимствований и случайного в единое структурно-семантическое целое.

Параграф 2.1. «Образ радуги в фольклоре коми» ярко иллюстрирует роль случайности в фольклоре. Речь идет о сюжетах с цепевидной структурой, в которых представлена цепь событий космогонического характера. Из русского фольклора коми традиция заимствует цепевидные детские песни-сказки. Исследователь сосредоточивается на строке «Где вода? – Быки выпили» и на случайной паронимической аттракции. Коми-перевод в песенке – «о́шка-мо́ска» («быки с коровой»); случайная паронимия

– «ёшкамёшка» («радуга»). Данная паронимия (с радугой) – это случайность. Однако возникает мощный аттрактор, притягивающий «радугу» в доступные смысловые ассоциации (небесный бык, водяной бык): «возникшая в результате трансформации “космология” <...> оказывается архетипической: земля в образе коровы, небо – бык, радуга – рога, дождь – оплодотворение» (с. 105).

В параграфе 2.2. «Горань» рассматривается еще одна случайность: русская игра «золото хороню» в процессе трансформации слова рождает слово «горань» (игра в жмурки). Это слово начинает притягивать доступные ассоциативные смыслы, связанные с иномирностью: «гор ань» (банница), «син гуран» (глазница и ассоциирующая с нею слепота). «Горань» по фонетической ассоциации втягивается в поле слова «горка» (молодежные игры). Игровой термин «горань» ведет к появлению обозначения всего игрищного комплекса – «гораньясьны». Так возникает «организованный по фрактальному принципу <...> интертекст, по вертикали соединяющий несколько уровней традиции» (с. 126).

В параграфе 2.3. «Магический обряд на смерть “ректасем”» рассматривается, как заимствованный русский лечебный обряд (обмер больного нитью) трансформируется в смертельный ритуал (при трудной смерти). В рамках рассуждений автора диссертации все кажется достаточно логичным, однако не мог ли обряд с нитью родиться на русской (а не на коми) почве как инверсия лечебного ритуала? И тогда коми фольклорная культура могла просто заимствовать этот смертельный обряд.

Диссертационное исследование построено от освещения частных проявлений к общим принципам самоорганизации системы. Глава 3 «Календарные инновации» состоит из трех параграфов: «3.1. Святочные духи и образ мороза»; 3.2. «День Демьяна Бедного»; 3.3 «День Победы и образ Стефана Пермского». В первом параграфе этимологические экскурсы позволяют автору сосредоточиться на звукосимволических мотивировках святочно-рождественской лексики, в том числе и представлений о *трескучих*

(звук) морозах, характерных для данного календарного периода, которые в совокупности с активизацией святочных духов породили мифологический образ *трескучего мороза*.

В параграфе «3.2. День Демьяна Бедного» анализируется случайное включение имени советского поэта Демьяна Бедного в осеннюю календарную точку Козьмы-Демьяна (1/14 ноября), когда крестьянские закрома еще полны только что собранным урожаем. Попытка автора прочесть тему «бедности» в этом периоде представляется не очень убедительной. В последнем параграфе «3.3. День Победы и образ Стефана Пермского» рассматривается сквозная метафора «великий» в отношении образа этого важного для коми святого (Стефан Великопермский, Стефан Великий). В нарративах XX в. имя Стефан Великий становится основой для создания образа великого (высокого, физически сильного) человека. Случайное совпадение дня памяти Стефана Великого с праздником Победы (9 мая) становится основой для появления нарративов о вещих снах, в которых святой предвещает окончание Великой Отечественной войны 9 мая. Материал этот весьма свеж и интересен.

Глава 4 посвящена заговорам и имеет название «Самоорганизация заговорных текстов». Рассмотрев в параграфе «4.1. Фрактальная организация заговорной традиции *нимкыв видзем*», с традиционными для диссертации этимологическими экскурсами, форму *нимкыв* (ним – имя, кыв – слово), в которой содержатся имена ключевых для данного заговорного ритуала объектов, диссертант рассматривает далее конкретные примеры заговоров, построенных на зауми. Интересен анализ сюжета «Пан тшын» (Дым жреца) (вопросно-ответная кумулятивная форма, построенная на номинативах) – заговора, используемого в промысловой практике охоты на клестов. Кумуляция здесь построена на зауми. Текст организуется, по мнению автора, на *ритмической матрице*. В параграфе «4.2.5. К проблеме самоорганизации зауми: гипотезы порождения заговорного текста» ритмическая матрица также является основой в рассуждениях автор о заумном заговоре «Курила

мура». По мысли автора, в коми заумных заговорах в качестве прототекста можно увидеть русскоязычные молитвенные формулы «Во имя Отца и Сына» и «Спасова рука».

Автор выдвигает две гипотезы происхождения заговоров-зауми: 1) «языковые трансформы, верифицируемые как заумь, могут возникать в результате компрессии грамматически правильного текста-источника (предтекста, прототекста) в ритмическую матрицу заговорного акта» (с. 299); 2) «компрессия прототекста в заговорный текст может иметь нелинейный характер и являться результатом особой стратегии передачи заговорного знания от учителя ученику» (заговор учителем передается не до конца), «ученик не запоминает сам заговорный текст, а воспроизводит более глубинные уровни магико-ритуального перформатива, связанные с ритмической матрицей. И уже в эту матрицу, воспроизведенную его сознанием, встраивается новый вербальный ряд» (с. 299).

Весьма выразительным и в чем-то даже изящным предстает анализ самосборки сюжетов. Самосборка – это еще один инструмент в области синергитической концепции. Понятие «самосборка» (в отличие от широкого понятия самоорганизации) в терминологии автора диссертации определяет формирование упорядоченных структур как частного, узколокального варианта самоорганизации на отдельных участках системы, при этом без внешнего специфического воздействия.

В Главе 5 «Самосборка сюжета» исследуется роль ассоциативно-смысловых связей в создании фольклорного текста. Слова-«стимулы» порождают тексты-реакции. Первый пример представлен в параграфе «5.1. Предание об убийстве князя Василия Вымского: в поисках истоков». Последовательный анализ реальности, заложенной в летописной записи (Вычегодско-Вымская летопись) и устных преданиях (от Реальности 1 к Реальности 4), позволяет увидеть истоки этого сюжета в лингвистическом корне «ва» (протока, вода) и отражении его в гидрониме *Vasesc vийom шор* (ручей, где убили Василия). Топография местности, где находится *Vasesc*

вийом шор (река Вымь, с. Турья, д. Кони, д. Веселяна, место Кар яг), дала стимулы, считает диссертант, для начала формирования сюжета о строительстве города (Кар – городище) неким строителем Василием и его убийстве. Далее происходит идентификация Василия с именем князя Василия Вымского, проникновение сюжета в Вычегодско-Вымскую летопись и возвращение сюжета в устную традицию (предание). Самосборка сюжета строится на событийной матрице: начало, финал и причинно-следственная связь. Единая ассоциативная структура сюжета (инициальная часть / финальная часть; их ассоциативные связи) описана автором диссертации на с. 327. Ассоциативные ряды (кар (городище) – место убийства; жизнь – смерть; строительство – разрушение и т.д.) порождают сюжет: «Один сильный человек по имени Василий совершает зачатие-строительство города из камней в местечке Кар яг – много слабых жителей разрушают-расчленяют Василия на камне у ручья Васес вийом шор» (с. 328). Предложенный анализ ассоциативных рядов представляется, даже если он не всех может убедить, весьма интересным.

В параграфе «5.2. Самосборка демонического сюжета и измененные состояния сознания» диссертант предлагает еще один непривычный для фольклористики прием в изучении текстов. Он исследует сюжетогенерирующие аспекты измененного состояния сознания человека. Предметом анализа становятся тексты, которые в традиционной фольклористике принято называть быличками – рассказы охотников, ночующих в «чужом» пространстве (в лесной избушке), у которых в момент засыпания (измененное состояние сознания) могут возникать некоторые видения, архетипически уходящие в представления о персонажах мифологического мира. Здесь опять исследуются ассоциативные ряды. Такой подход – исследование ассоциативных рядов – мы полагаем, может быть продуктивным и в связи с другими жанрами.

В Заключении диссертант предлагает емкие выводы своего исследования.

Укажем на некоторые недочеты. Текст диссертации, на что мы уже обращали внимание, имеет повторы. Например, на с. 243 имеется следующий пассаж о зауми: «...фольклорная заумь – явление универсальное и многогранное и по своему происхождению («тайные языки», измененное сознание, детское словотворчество, иноязычные заимствования и т.д.), и по своим функциям (обслуживающим широкий спектр ритуально-магических и игровых форм коммуникации с «иным» миром), и по степени удаленности естественного языка (от фонетической – «чистая бессмыслица», когда звуки не складываются в морфемы, до супрасинтаксической – когда при формальной, грамматической правильности языковых конструкций остается принципиально неясным, о чем идет речь» (с. 243). Этот же пассаж повторен на с. 248–249. Имеются и другие повторы.

Укажем на некоторые недочеты в библиографических описаниях. Системной ошибкой во многих описаниях является запятая, поставленная после названия журнала (см. сноски 2, 3, 6, 17, 20, 30 и др.). Столь же системно во многих случаях том ставится перед позицией «Место, издательство, год», тогда как указание на него по ГОСТу должно быть после года (см. сноски 23, 106, 11 и др.). Не избежала работа чисто технических недосмотров. Так, на с. 78 потеряна буква «Р» в фамилии Ю. Г. Рочева. В Главе 4 на с. 206 в названии параграфа появляется римская цифра I вместо арабской – «4.1. Фрактальная организация заговорной традиции *нимкыв видзем*». В Содержании же (с. 2) этот параграф обозначен как 4.3.I. В сноске 116 (с. 72) явно потеряно слово во фразе «В течение нескольких ??? XIX века коми-ижемские оленеводы закрепились в Большеземельской тундре...». Имеются и другие технические недочеты.

Высказанные замечания не имеют принципиального характера. А. В. Панюков обнаруживает в диссертации глубину лингвистического и фольклористического анализа, его выводы представляются оригинальными. Диссертационное исследование А. В. Панюкова предлагает новый ракурс фольклористических исследований – сквозь призму синергетики,

раскрывающей самоорганизацию сложных систем. Предложен в работе и новый понятийный аппарат: фазовый переход, фрактальность, аттракты, самосборка и др. Мы полагаем, что данный понятийный аппарат вряд ли широко войдет в язык фольклористики. Тем не менее, подчеркнем, что предложенные прочтения отдельных сегментов коми фольклорной культуры вызывают большой интерес.

Диссертация А. В. Панюкова является полностью самостоятельным исследованием, выполненным на высоком научном уровне. Положения, вынесенные на защиту, обоснованы и аргументированы.

Апробация результатов исследования проводилась с 1996 г. на Всероссийских и Международных конференциях. Список работ по теме диссертации насчитывает 50 номеров, в том числе 19 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, и в журналах, индексируемых в международных базах. Многие положения, разрабатываемые автором в диссертации, нашли место в его монографии «Динамика развития коми фольклорных традиций в качестве теории самоорганизации» (Сыктывкар, 2009). Автореферат передает содержание диссертации и соответствует всем необходимым требованиям.

Диссертационное исследование А. В. Панюкова «Синергетика фольклорных инноваций в традиционной культуре коми», представленное на соискание ученой степени доктора филологических наук, полностью соответствует паспорту научной специальности 5.9.4 Фольклористика (филологические науки) и требованиям, изложенным в пунктах 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор Анатолий Васильевич Панюков заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4 Фольклористика.

Отзыв подготовлен главным научным сотрудником Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН доктором филологических наук Татьяной Григорьевной Ивановой. Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела русского фольклора Института русской

литературы (Пушкинский Дом) РАН 9 сентября 2024 г. (протокол № 5 от 9 сентября 2024 г.).

Заведующий Отделом русского фольклора
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
доктор филологических наук, профессор А. В. Пигин

Подпись	<i>А. В. Пигин</i>
УДОСТОВЕРЯЮ	
Пом. директора	
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук	
Подпись	<i>М. И. Давыдова Т. А.</i>

Сведения об организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук», 199034, Санкт-Петербург, набережная Макарова, д. 4.

Телефон: 8(812)328-19-01, адрес электронной почты: irliran@mail.ru

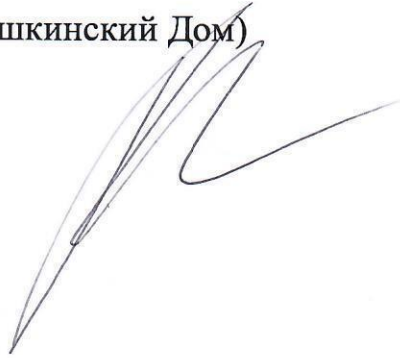
Сведения о ведущей организации
 по диссертации Панюкова Анатолия Васильевича
 «Синергетика фольклорных инноваций в традиционной культуре коми»,
 представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
 по специальности 5.9.4 – «Фольклористика»

Полное наименование и сокращенное наименование	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук» (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН)
Местонахождение	Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
Ведомственная принадлежность	Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Почтовый адрес организации	Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон	(812) 328-19-01
Адрес электронной почты	irliran@mail.ru
Адрес официального сайта в сети «Интернет»	www.pushkinskiydom.ru
Список основных публикаций работников ведущей организации, близких теме защищаемой диссертации в рецензируемых научных изданиях за последние 5 лет (не более 15 публикаций)	<p>Бильдюг А. Б., Васкул А. И., Комелина Н. Г. Фольклор Белого моря в экспедиционных записях Пушкинского Дома // Русская литература. 2023. № 1. С. 20.</p> <p>Иванова Т. Г. Ростово-Суздальская земля в былинах и ее роль в сложении песенно-эпической традиции // Русская литература. 2023. № 4. С. 111-129.</p> <p>Иванова Т. Г. Историческое пространство в песнях XVIII века о Северной войне // Русская литература. 2022. № 4. С. 91-110.</p> <p>Иванова Т. Г. Поэтика географических имен в песенно-эпических жанрах русского фольклора // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 47-66.</p> <p>Иванова Т. Г. Трансформация топоса «битва как пир» в исторических песнях XVIII-XIX веков // Русская литература. 2021. № 4. С. 77-89.</p> <p>Иванова Т. Г. Два топоса в исторических песнях о Ермаке // Русская литература. 2020. № 4. С. 186-198.</p> <p>Комелина Н. Г. Предания о кладах на Зимнем берегу Белого моря // Русская литература. 2023. № 1. С. 40-55.</p> <p>Пигин А. В. Русские рукописные произведения о «неизменяемости судеб Божиих» (сюжет «Марко Богатый») // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 42-69.</p>

Пигин А. В., Семячко С. А. Севернорусские жития святых в «Алфавите российских чудотворцев...» старообрядческого книжника Ионы Керженского // Русская литература. 2024. № 1. С. 146–158, 307–309.

Рейли М. В. Формулы гостеприимства в русских сказках Урала и Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (44). С. 9-22.

Директор
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
д.ф.н., профессор

В.В. Головин

04.09.2024

